

Зейнеп САХРА

Круассан С ЛЮБОВЬЮ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2025

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)
С22

Zeynep Saha
Ayçöreği

First published by Ren Kitap Yayın Dağ. San. Tic. Ltd. Şti.
Russian translation rights arranged through
Kalem Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

Перевод с турецкого: *Иван Александров*

ISBN 978-5-17-159621-7

© 2016 Zeynep Saha
© И. Александров, перевод, 2025
© Диана Бигаева, оформление, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Моему мальчику...

Желаю доброй ночи сотню раз...¹
Уильям Шекспир

¹ «Ромео и Джульетта», акт II, сцена II (здесь и далее текст пьесы дан в переводе Т. Щепкиной-Куперник).

1. ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Спроси я, какое ваше самое первое воспоминание, что вы ответили бы?

Мне было, наверное, четыре или пять. Я сидела, как воробушек, на стене у нашей калитки и ждала его. Пятка розовых уличных шлепанцев, которые были мне немного велики, ритмично стучала о стену. Мой взгляд был прикован к концу улицы — как будто, если я отвлекусь, он придет позже. Я не сводила глаз с поворота, хотя от восходящего солнца они уже начинали слезиться.

Спеша на работу, люди выходили из аккуратных домов с садиками, выстроившимися по обеим сторонам улицы, и иногда закрывали мне обзор. Тогда я хмурилась.

Долгие минуты проходили в ожидании, но вот он наконец появился в конце улицы, держа в руке маленький белый пакет. Я спрыгнула со стены, которая была вдвое выше меня, стукнулась коленками о землю, но не обратила внимания. Зашагала к нему, волоча штанины тонкой пижамы по земле. И, едва дойдя, тут же начала ворчать, полная нетерпения:

— Почему ты так задержался?

— Что я мог поделать, Сахра, сегодня они поздно включили печь.

Он заметил, что мой любопытный взгляд направлен не на его лицо, а на пакет, и с улыбкой вынул из него бумажную упаковку. Когда он достал оттуда содержимое, выражение моего лица развеселило его еще больше. С теплой улыбкой он протянул мне подарок.

— Ну, держи, мелкая.

Я взяла подношение обеими руками, крепко сжала пальцы, чтобы не уронить. Прежде чем откусить в первый раз, мне нравилось подносить лакомство к носу и вдыхать глубоко-глубоко — так, чтобы аромат наполнил все тело. Зажмурившись от сладкого запаха корицы, я услышала его смешок.

Я открыла глаза, нетерпеливо разорвала круассан в форме полумесяца¹ надвое и протянула одну половину ему. Мы сели на тротуар у наших домов.

— Никто на свете не любит круассаны так же сильно, как ты, — заметил он, наблюдая, как жадно я лопаю тесто.

Он смотрел на меня, а лучи солнца, падавшие ему на лицо, придавали глазам светло-зеленый оттенок. Он улыбнулся, продемонстрировав неполный набор зубов, и протянул мне свою половину круассана. Я без колебаний впила в нее зубами, от чего его улыбка сделалась еще шире.

— В следующий раз, когда захочешь круассан, скажи мне перед сном. Не надо с утра пораньше швырять камешки в мое окно.

¹ Ауџөреџи (название примерно переводится как «лунная булочка») можно назвать турецким круассаном, хотя он менее слоеный, более плотный, мягкий и обычно делается с начинкой. Айчөреи бывают не только в форме полумесяца, но и круглые, и других форм (*здесь и далее прим. редактора*).

Дожевывая последний кусочек, я откинула волосы, упавшие на лицо, и кивнула. Тишину улицы нарушало щебетание просыпающихся птиц. Когда он встал, черный шлепанец соскользнул у него с ноги — он, должно быть, второпях надел папины. Он поправил пояс пижамных штанов и велел мне идти домой.

Я встала, когда он направился к калитке соседнего двора. И заявила:

— А я каждый день хочу, чтобы ты покупал мне круассан.

Мой тонкий голосок не сильно отличался от щебета птички.

Он улыбнулся и ответил:

— Хорошо, буду покупать.

Его зеленые глаза смотрели на меня. Я нетерпеливо добавила:

— Но ты будешь покупать их мне каждый день! Вечно. Понял?

Его улыбка стала шире. Я снова поглядела на щербину на месте недостающего зуба. В то время я сама с нетерпением ждала, когда же молочные зубы начнут выпадать и у меня.

— Вечно?

Не задумываясь, я с ухмылкой кивнула:

— Да. Потому что я очень их люблю.

Слово «очень» я произнесла протяжно, раскинув руки в стороны, чтобы показать всю силу своей любви. Но он закатил глаза, будто я сморозила глупость:

— Ты не будешь любить круассаны вечно, Сахра!

Я пожала плечами и упрямо сказала:

— Буду!

Он так же упрямо прищурился:

— А если появится что-то, что ты полюбишь больше?

Я ненадолго задумалась. Он говорил про что-то невозможное. Как дождь из шоколада. Я точно знала, что шоколадный дождь — невозможная штука, потому что папа так мне и сказал: открывать рот и ждать бесполезно — шоколад с неба не посыплется. Так же бессмысленно было ожидать, что откуда-то вдруг возьмется нечто такое, что я полюблю больше круассанов.

Но вместо того, чтобы объяснять ему, насколько это глупо, я снова упрямо пожала плечами:

— Ты просто пообещай, что будешь покупать мне круассаны всегда-всегда!

Он с шумом выдохнул, словно утомился со мной спорить:

— Всегда-всегда я не смогу, Сахра. Однажды ты выйдешь замуж.

Я нахмурилась, не понимая, с чего это вдруг должно помешать ему покупать мне угощение. Выпятив нижнюю губу, я задумалась, а затем пожала плечами и заявила так, будто это была самая понятная вещь на свете:

— Тогда я выйду замуж за тебя.

На этот раз задумался он:

— Но, чтобы жениться, нужно любить кого-то.

— Ты что, меня не любишь?

— Люблю, но... Знаешь, мой папа говорил, что если по-настоящему любишь кого-то, то рядом с ним не можешь дышать. А рядом с тобой я дышать могу.

Теперь уже я уставилась на него, сердито сдвинув брови. Я думала. Думала. Думала. Потом широко раскрыла глаза и громко скомандовала:

— На счет «три» задержи дыхание, ясно?

Он не понял.

— Давай-давай, сделай, как я сказала! — нетерпеливо повторила я.

Он снова закатил глаза, словно ему было скучно заниматься всякой ерундой, а затем недовольно сказал:

— Ладно.

Я досчитала до трех. Он набрал в грудь воздуха, точно собирался нырнуть, и надул щеки. Глядя на его забавную физиономию, я рассмеялась, а затем быстро пробежала через садик к своему дому. На пороге обернулась и крикнула прямо в его покрасневшее и надутое лицо:

— Видишь, теперь я могу выйти за тебя замуж!

Я еще не знала, что это воспоминание — самое первое — сформирует всю мою жизнь. Я не знала, что несколько простых слов, которые родились в моей детской голове, на долгие годы превратятся для меня в мечту — в последнее, о чем думаешь перед сном. И уж точно я не могла знать тогда, какая же это боль — безответно любить кого-то, кто находится на расстоянии вытянутой руки. Особенно если тот, кого ты любишь, — старший брат твоей лучшей подруги...

А еще, само собой, я и представить не могла, что, когда я сбегу из нашего уютного Чыкмаза, и моя жизнь столкнется с жизнями других людей, в нее совершенно неожиданно ворвутся загадочная Бабочка и — но это не точно — избалованный Ромео и перевернут ее с ног на голову.

Ну и самое главное. Мне предстояло обнаружить, что найти нечто такое, что можно любить сильнее круассанов, не так уж невозможно.

2. ТУПИК

«Я полюбил вероятность твоей возможной любви...»

Эта строка, хоть и не совсем отражала основную тему стихотворения, была моей любимой. Словно краткое содержание моей жизни. Шесть слов украшали первый разворот каждой моей книги и любой листочек-закладку во всех моих тетрадях. Я настолько сроднилась с этой строкой, будто ее написал не Йылмаз Эрдоган¹, а я сама. Иной раз я даже злилась на него за то, что он растиражировал эту фразу для широкой публики.

Дождаясь Эрву в саду, я устала следить за стрелками часов и вместо этого начала разглядывать яркие гортензии, выстроившиеся в ряд. Даже в вечернем мраке они выделялись. В голове снова крутилась та самая строка... Каждый раз, когда в потоке мыслей возникал перерыв, мне вспоминалось его лицо, и я со вздохом повторяла про себя эту фразу.

Очередной из бесчисленных случаев, когда меня вывел из мечтательности его запах — тот, что заглушал все ароматы мира.

¹ Известный турецкий поэт, актер и режиссер.

— Наша ведьма снова заставляет тебя ждать, да?

Хотя я выросла, постоянно видя его лицо, каждый раз при взгляде на него сердце у меня заходило, точно впервые. Он наклонился завязать шнурок, а я, прислонившись к садовой калитке, пыталась контролировать дыхание, чтобы привести пульс в норму.

Вдох носом, выдох ртом...

Но ритмичные вдохи не помогали успокоиться, а лишь сильнее наполняли мои легкие его запахом. Я неловко улыбнулась и кивнула. Он поморщился, показывая, что слегка недоволен. Выпрямившись, ухватился за дверную ручку и крикнул в глубь дома:

— Эрва! Сахра тут уже одеревенела! Не выйдешь через десять секунд — уйдем без тебя!

Договорив, он подмигнул мне. Пока он, повернув голову, слушал ответ Эрвы, я уже мысленно прокручивала в голове его подмигивание в замедленном повторе.

Спустя несколько секунд он перепрыгнул через пять ступенек крыльца и направился к садовой калитке. Его темная рубашка развевалась на теплом летнем ветерке, и, будь за спиной еще красный плащ, он выглядел бы как настоящий супергерой. Хотя для меня он был таким и без плаща. Мое прижатое к калитке тело напрягалось все сильнее с каждым его шагом, и я снова скомандовала себе: «Вдох носом, выдох ртом...»

Он остановился, прежде чем пройти мимо, и повернул ко мне голову. Ярко-зеленые глаза мигом развалили едва обретенное мной внутреннее равновесие.

— Хоть раз уйди, не дождавшись ее, и она перестанет заставлять себя ждать. Понимаешь?

Он был прав. Куда бы мы ни шли, Эрву всегда приходилось дожидаться — в школу, за покупками, в кино, на прогулки, даже в магазин. Я жаловалась, но всегда ждала, потому что она была самой лучшей подругой, которая только могла достаться мне в этом мире.

— Ты знаешь, я не уйду без нее, Ахмет-аби¹.

Голос мой звучал тихо, как писк котенка. Он покачал головой:

— Я-то знаю, а вот ей знать необязательно.

Затем его лицо снова приняло милое выражение. Он сделал шаг ближе ко мне и с лукавым видом, словно делясь секретом, прошептал:

— Кроме того, раз уж мы ее балуем, хотя бы ты должна уметь говорить ей «нет».

Я невольно улыбнулась. Но вздохнуть не могла. Приходилось ждать, пока он отойдет, чтобы снова набрать в грудь воздуха. Он бросил короткий взгляд на часы и, быстро пройдя в садовую калитку, громко сказал, обращаясь и ко мне, и к той, которая оставалась в доме:

— Вы опоздаете, как всегда. И я сомневаюсь, что нашим родителям это понравится.

Затем он быстрым шагом направился прочь по темной улице. Я наблюдала, как он шагает, пока позволял свет фонаря. Через несколько метров он смешался с группой друзей, ожидавших его на углу, и исчез из виду.

Ахмет...

Тот, чье имя высечено на моем сердце с самого первого удара. Воплощение фразы «Я открыла глаза

¹ Слово «а́би» в турецком означает «старший брат» и может использоваться как вежливое обращение.

и увидела его». Храбрый принц из сказок, чьи зеленые глаза согревали мою душу. Имя, которое обжигало мои губы каждый раз, когда я произносила его, добавляя к нему обязательное слово. «Аби»... Ахмет-аби...

Называла ли я его так, потому что он был старше на пять лет? Или потому, что он заботился обо мне, будто я выросла у него на руках? Или потому, что он до сих пор не делал различия между мной и своей сестрой? Не знаю. Эта привычка осталась с детства, и, хоть она и причиняла боль моим губам и сердцу, я все равно продолжала так говорить. Может, для того, чтобы напоминать себе о невозможности чего-то другого, — не знаю.

Когда я снова повернула голову к дому, Эрва торопливо запирала дверь. Увидев меня, она на мгновение обрадовалась, но затем приняла самый смущенный вид.

— Я подумала, что ты ушла, и перепугалась, — тяжело дыша, объяснила она.

Видно, спускалась с верхнего этажа бегом.

— Спустилась бы ты на две минуты позже — точно ушла бы!

Я старалась говорить строго. Ахмет был прав: немного припугнуть ее не повредит. Чтобы показать, как я бешусь, я даже скрестила руки на груди.

Но Эрва тут же подошла ко мне с надутыми губами, как провинившийся кот, и, несмотря на мою попытку увернуться, крепко меня обняла:

— Прости, Сахрам¹. Обещаю, это в последний раз.

¹ В данном случае суффикс «-м» добавлен к имени, чтобы придать ему более личный, ласковый оттенок.

Несколько секунд я хмурилась. Но злиться, глядя на эту умильную мордашку, было невозможно. И мы обе знали, что последним этот раз не будет. Так что я разбила лед легкой улыбкой, взяла ее под руку, и мы быстро вышли из сада.

Когда наши каблуки застучали по дороге, Эрва спросила:

— Думаешь, наши мамы заметили, что нас нет?

— А ты как думаешь? — откликнулась я.

То, как Эрва беспокойно покусывала нижнюю губу, ясно показывало, что ответ ей известен. Наши мамы, оказываясь вместе, превращались в двух роботов с общей программой — поддерживать друг друга в любом вопросе. Особенно если дело касалось какой-нибудь мелкой оплошности, которую совершили Эрва или я, — тогда они, объединившись, могли устроить настоящую бурю.

Да мы и сами понимали, что права опаздывать сегодня у нас просто не было. Весь квартал собрался в старой мечети на площади. В нашем маленьком мире произошла большая потеря. Ушел из жизни самый старый торговец района, и мы как единое сообщество должны были почтить его память молитвами в мечети.

Наверное, сейчас стоит рассказать о мирке, в котором я жила.

На склонах Ускюдара¹ находился, наверное, самый маленький квартал Стамбула. Он состоял всего из девяти длинных улиц, все они были тупиковыми, и почти все застроены двухэтажными домами с садиками — старинными и уютными, но не слишком помпезными. Свободные концы всех улиц сходились

¹ Большой жилой район в азиатской части Стамбула.

на площади, где были расположены старые, неподвластные времени лавки, величественная мечеть, фонтан и кофейни, — все это создавало очаровательную атмосферу. Как и в любом маленьком сообществе, здесь все знали друг друга, поддерживали и любили.

Это место было в точности таким, о которых с ностальгией рассказывают в фильмах и сериалах. Люди тут жили обеспеченные, но никто не роскошествовал. Квартал у нас был маленьким, но важным: когда-то он даже подарил миру двух известных политиков. Мы жили по своим правилам, и совет старейшин, состоящий из мудрых и опытных людей, строго следил за порядком. Даже малейшие перемены обсуждались целыми днями.

Наш квартал так и называли — Чыкмаз¹. Тупиковые улицы, тупиковые разговоры, тупиковые люди, тупиковые слова. Мы не пускали в свой мир чужаков. И свое никому не отдавали.

Тем временем Эрва и я быстро шагали к мечети, но вдруг запыхавшаяся подруга дернула меня за руку:

— Я же забыла тебе рассказать! Помнишь Ясмин? Я сдвинула брови, пытаюсь сообразить.

— Ту, что живет на девятой улице? Наша ровесница?

У улиц в Чыкмазе не было каких-то красивых названий. Вместо этого на каждом углу висели таблички с номерами от одного до девяти: 1-я Тупиковая улица, 2-я Тупиковая улица и так далее. Чтобы запом-

¹ Чыкмаз (Çikmaz) буквально переводится как «без выхода» и может означать тупик как в прямом, так и переносном смысле.

нить человека, достаточно было знать, на какой улице он живет.

— Ага, ее. Как тебе кажется, какая она?

— Не знаю, Эрва, мы с ней особо не общались. Я просто слышала о ней.

— Еще бы не слышала: ее называют самой красивой девушкой в Чыкмазе.

В голове подруги прозвучала неприкрытая зависть, и я не смогла сдержать улыбки.

— Правда? Что, так и называют? — Я попробовала немножко ее подколоть.

— Вот именно так и называют, да. Знаешь, меня раздражает, когда люди навешивают на кого-то ярлыки на всю жизнь! А вдруг она подурнеет, попадет в аварию и будет изуродована до неузнаваемости? Или у нее огромный прыщ на лице выскочит? Откуда им знать?

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться.

— Или же ты болтаешь все это просто потому, что тебя называют самой разговорчивой девушкой в Чыкмазе.

Она отбросила мою ладонь, которую держала в своей, и, как капризная девчонка, скрестила руки на груди.

— Я говорю не много, а просто быстро. И из-за того, что я говорю быстро, меня не всегда понимают, поэтому я предпочитаю выражаться подробно и длинными предложениями.

Я спрятала улыбку.

— Ну ладно, если бы у тебя был выбор, мисс, как бы ты хотела, чтобы тебя называли?

Эрве понадобилось всего две секунды — видимо, она уже обдумывала этот вопрос раньше. Замедлив шаг, она возбужденно затараторила: